

Гарри почувствовал прилив магии прямо к нему. Щит, который он создал с помощью Старшей палочки, был одним из самых сильных, какие он знал. Это было заклинание щита, которое его дед, Чарлус Поттер, усовершенствовал в 1940-х годах. С добавлением усиливающей способности Старшей палочки щит был сильнее большинства защитных заклинаний в Британии и мог выдерживать интенсивный огонь заклинаний.

Но даже несмотря на свою прочность, щит трескался от притока магии, направленной от подопечных.

Глупец думает, что это его спасет? подумал он.

Если бы ему пришлось гадать, Нотт вызвал разрушение большей части защитных щитов своего поместья, направив их магию в взрыв, чтобы убить его.

И это не удалось.

Нотт быстро убежал в другую комнату, громко закрыв дверь, и вспышка света показала, что он укрепил комнату.

Гарри повернулся к оставшимся в живых, потрясенный тем, что его щит выдержал нападение.

"Моя очередь". прошептал он.

Все произошло слишком быстро для его удовольствия. Их щиты лопнули в считанные секунды от его натиска, проклятия семей Блэк и Поттеров образовали непрерывную цепь смерти и разрушения, которые неслись на тех, кто украл у него.

Один был охвачен черно-фиолетовым пламенем, превратившись в почерневшую лужу мяса и крови. Другой вывернулся наизнанку, но еще несколько секунд оставался жив.

Никто не избежал его гнева. Только когда затихли хриплые вздохи о пощаде, он бодро зашагал к тому месту, где все еще жил последний, Нотт.

Он направил свою палочку на дверь и разнес ее в пух и прах, перегрузив наспех наложенные на нее чары.

Мысли Гарри оборвались, когда он увидел перед собой ее. Длинные светлые волосы и пронзительные голубые глаза.

Его палочка опустилась, оставив его открытым для режущего проклятия, которое прорезало рану в верхней части его бедра.

Зарывав и едва не упав, он поднял щит, чтобы блокировать шквал проклятий, летящих в его сторону.

Чертов полиджойс.

Его щит Окклюменции, который был единственным, что удерживало его от эмоционального срыва, распадался от ее вида.

Еще одно проклятие пронеслось мимо, остановленное его жгутом, но открывшее в нем небольшой разрыв.

"Это я убил ее", - объявил Нотт ее голосом, - "Я убил ее, и она кричала, когда я убивал ее". Он выделил каждый слог, произнося очередное проклятие.

Гарри почувствовал, что его Окклюменция нарушилась, его ярость закипела.

Он зарывал от ярости и вместо щита наложил режущее проклятие.

Попавшее в него проклятие рассекло его лицо, едва пропустив левый глаз.

Его рык боли был заглушен криком, раздавшимся в ее голосе.

Проклятие пробило щит Нотта и отсекло его руку с палочкой около локтя.

Скуля от боли, Нотт обхватил свою поврежденную руку, слегка раскачиваясь взад-вперед.

Гарри приближался к нему, как хищник преследует свою жертву, палочка жутко светилась.

Нотт сумел поднять глаза на Гарри и уставился на него с лютой ненавистью.

Он сплюнул под ноги Гарри.

"Ты можешь убить меня, но ты не остановишь нас", - заявил он, - "Единственное, о чем я жалею, так это о том, что не убил тебя вместе с твоей шлюхой".

Гарри поднял палочку, готовый прекратить пытку, когда ее лицо смотрело на него с такой ненавистью.

"Она продолжала выкрикивать твое имя, пока я выкачивал из нее жизнь", - гоготнул он, - "А ты... Не было. Там."

Гарри зарычал и горизонтально взмахнул палочкой, услышав влажный звук скольжения, и гогот затих.

Голова Нотта слетела с плеч, с мокрым стуком ударилась об пол и покатилась на небольшое расстояние, глаза были безжизненны и пусты.

Гарри застыл на мгновение, прежде чем повернуться, его колени ударились о землю. Его начало рвать содержимым желудка - смесь слишком большого количества зелий и вида того, что он только что сделал.

Он не мог забыть, какую форму приняла Нотт. Он должен был получить часть ее волос и планировал попытаться поиграть с его разумом, что ему и удалось.

Он не мог забыть ее глаза, такие выразительные, когда знаешь ее. Как они сияли, когда она была счастлива, или казались вырезанными изо льда, когда она злилась. Они не должны были быть стеклянными и безжизненными.

И он должен был увидеть это во второй раз.

Он поднялся на ноги, его левая нога протестовала против нагрузки.

Он вытер кровь с глаза и, прихрамывая, вышел из комнаты, не желая оглядываться.

Неуверенно спускаясь по лестнице, Гарри увидел, как Невилл вытирает с себя кровь, в основном не свою.

Селвин был избит до полусмерти, его лицо было в полном беспорядке.

Все поместье было разгромлено в результате их нападения, никто не выжил, судя по отсутствию звуков, доносившихся от упавших.

Невилл обернулся на звук спускающегося по лестнице Гарри, который все еще пытался стереть с себя кровь.

"Я потерял свою палочку, а двое других все еще пытались бороться со мной", - тихо сказал Невилл, - "Это было неприятно".

Он наклонился, чтобы показать что-то Гарри.

"Эруптивная жидкость", - сказал Гарри, беря пузырек и замечая жидкость внутри пузырька,

которую Невилл достал из трупа, - "Какого черта она им понадобилась?".

Жидкость Эрумпета горела жарче и плавилась сквозь магическую защиту лучше, чем большинство огненных заклинаний, за исключением Фиендфайра.

Невилл пожал плечами, не понимая, на кой черт она им понадобилась.

Гарри, все еще пытавшийся собраться с мыслями и не сломаться на глазах у Невилла, не сразу заметил что-то в углу своего зрения.

Один из Пожирателей Смерти, моложе их, возможно, только что закончивший Хогвартс, поднялся и выстрелил взрывным проклятием, трясущейся рукой сжимая свою палочку, а другой рукой прижимая открыто кровоточащую грудь.

У Гарри была лишь доля секунды на выбор, что делать.

Луна не должна потерять тебя.

Гарри прижал пузырек к груди, положил руку на грудь Невилла и безвольно изгнал его из комнаты, как раз в тот момент, когда взрывное проклятие поразило его.

Драконья броня не позволила бы ему стать смертельным. Несколько сломанных ребер было бы достаточно. Но жидкость Эрумпета была неустойчива к магии, а взрывная магия была очень неустойчива.

Последнее, что он видел, это потрясенный взгляд Невилла и его крик, после чего произошла вспышка, и он больше ничего не знал.

"Итак, мы снова встретились, Певерелл".

Гарри не слышал этого голоса уже более трех лет, три года, которые были для него полным блаженством.

Смерть, или, по крайней мере, сущность, символизирующая смерть, была здесь, чтобы поговорить с его хозяином.

Гарри не хотел говорить со Смертью, предыдущий раз был достаточно трудным.

"Просто дай мне умереть и увидеть ее". приказал он.

"Нет, пока ты не выслушаешь мое предложение".

Гарри покачал головой.

"Ты - Смерть", - сказал он просто, - "То, что мне нужно, ты не дашь".

"Я могу предложить тебе твою возлюбленную".

На этом Гарри замолчал, не зная, как перевести услышанное.

"Что?" спросил он тихо.

"Я могу отправить твою душу обратно, чтобы спасти ее", - объяснила Смерть, голос был по-прежнему ровным и лишенным эмоций, - "Как мой \"хозяин\", - последнее слово было сказано с легким отвращением, - твоя душа более живуча. Она переживет это путешествие в целостности и сохранности".

Гарри скептически отнесся к предложению Смерти.

"Какова твоя цена?" холодно спросил он.

"Все просто", - сказал Смерть, - "Но прежде чем ты согласишься, есть еще одна деталь". Гарри уставился на Смерть, требуя ответа.

"Я не могу отправить твою душу на небольшое расстояние назад во времени, по крайней мере, в том смысле, как ты понимаешь время". Смерть сказал: "Ты прибудешь, если согласишься, в одну из двух точек. Примерно в то время, когда твое имя вышло из Огненного кубка, или когда год спустя тебя и твоего кузена чуть не поцеловали дементоры".

Гарри уставился на Смерть с полным недоверием.

"Ты понимаешь, что я буду пытаться спасти тех, кто уже мертв?"

Сириус, Ремус, Тонкс, Дамблдор, Фред... Дафну. Всех, кого он мог.

"Мне не хочется временно расставаться с душами, которые неизбежно уйдут из жизни", - просто ответила Смерть, - "Те, о ком ты заботаешься, проживут максимум около 100 лет. Это может быть долго для смертного, но это всего лишь песчинка в песочных часах для существа, которое существовало еще до того, как ваш род узнал, как использовать магию".

Гарри все еще смотрел на Смерть, или на материальную форму, которую она принимала.

"Какова цена?" спросил он снова, не соглашаясь ни на что, пока не узнает.

Смерть молча смотрел на него, а затем издал низкий смешок - это была самая сильная эмоция, которую он когда-либо проявлял в присутствии Гарри.

"Ты так похож на своего предка, - сказал Смерть с весельем, - Он совсем не доверял мне, в отличие от своих братьев-дураков. Они думали, что смогут перехитрить меня, саму Смерть, с помощью моей собственной силы. Но Игнотус знал лучше. Он знал нечто важное, чего не знали его старшие братья в своем высокомерии... Я. Я. Неизбежен". Присутствие Смерти стало еще больше: "Сильнейшие из людей увядают и умирают, сильнейший клинок ржавеет и исчезает в земле, нации разрушаются, величайшие империи гибнут. И все они возвращаются в прах, из которого появились. Все они возвращаются ко мне. Ты не можешь надеяться схватиться со мной и надеяться победить меня в игре, которая была моей целью с самого начала жизни".

Затем присутствие Смерти уменьшилось до прежнего уровня.

"Твоей платой, - просто сказала Смерть, переключившись на вопрос/требование Гарри, - будет то, что ты бросишь один из Даров в Завесу Смерти перед своей кончиной. Ты станешь последним "Мастером Смерти" в своем мире".

"Моем мире?" Гарри вопросительно поднял бровь.

Смерть снова захихикала.

"Твой мир не единственный, мой дорогой "хозяин", - ответил он слегка насмешливым тоном, - Смерть и жизнь не ограничиваются тем, что ты можешь видеть и чувствовать в пределах своей досягаемости. Итак, примешь ли ты предложение?"

Гарри все еще не доверял Смерти, что очень забавляло сущность.

"Что произойдет, когда я туда попаду?" Он спросил: "Там были проблемы, которые не были устранены до конца войны".

Гарри, узнавший об этом только через год после смерти Волдеморта, был связан Дамблдором с его магией еще в детстве. Старик сделал это, когда Гарри был еще младенцем, когда крестраж, о котором Дамблдор тогда еще не знал, что это такое, пытался питаться его магией. Дамблдор наложил привязки, чтобы "темная магия" не могла питаться его магией, как паразит.

Гарри разговаривал с духом Дамблдора после войны, используя камень. Тот извинился за совершенные им ошибки и объяснил, почему он делал те или иные вещи.

Он оставил Гарри у Дурслей, потому что никому нельзя было доверять из тех, кто дружил с

Джеймсом и Лили. Ремус был бы признан непригодным из-за неуместной ненависти, вызванной его недугом, Сириус считался предателем, а все остальные были убиты или, в случае с Лонгботтомами, сведены с ума.

Дамблдор умолял его понять. Мужчина испытывал чувство вины за свои промахи и просил прощения у мальчика, ставшего человеком, которого он обидел. Гарри простил старика и пообещал, что постарается не вызывать его и не нарушать его покой.

"Проблемы", как ты их называешь, будут устранены притоком магии из твоей души и небольшим "подарком", который я оставлю тебе", - сказал Смерть, - "Твои ограничения на магию будут сняты после твоего прибытия".

Гарри долго смотрел на Смерть, затем кивнул.

"Я принимаю ваше предложение", - заявил он, - "Но зачем рисковать, если Риддл будет жить? Что случится, если ему каким-то образом удастся убить меня?". Гарри усмехнулся над последней фразой.

"Будь то через год, сто или тысячу лет, Том Риддл умрет. Он всего лишь один трусливый смертный, который пытался убежать от меня, искалечив свою сущность. Его предок, Герпо, ничем не отличался от других. Не отличались от него и маги Египта. Я ценю конец любого смертного, сковывающего меня каким-либо образом, чем дальнейшее существование одного человека". Смерть сказала просто: "Никто из тех, кто объединил Дары, не был готов отказаться от своей силы бессмертия, до тебя".

Гарри приготовился к тому, что должно было произойти, так как почувствовал, что окружающая обстановка начинает дрожать.

"Твое слово - твоя клятва, Певерелл, - сурово прошептала Смерть, - Отбрось всю ложь, полуправду и фальшивые любезности, сама твоя магия и душа связаны с этим соглашением. Вернись к своему слову, храни Дары, и твоя душа станет моей! Ты не будешь знать покоя. Ты будешь брошен в пустоту, чтобы никогда не воссоединиться с теми, кто тебе дорог. Такова моя клятва!" Голос Смерти возвысился до такой громкости, что, казалось, охватил все существо Гарри.

"Удачи, хозяин".

С этими словами на Гарри Поттера обрушился взрыв чистой тьмы. Он почувствовал раздирающее ощущение и был втянут в черноту, все вокруг потемнело.

"Я знаю, что ты там, сестра".

воскликнула Смерть через несколько секунд после исчезновения последнего Певерелла.

Женщина в мантии с символом на лицевой стороне в виде балансирующих весов и нити над ними появилась перед ним с небольшим смешком.

"Ты сказал, что я разберусь с Поттером", - сказала она с блеском в глазах.

Смерть слегка пожал плечами.

"Он находится в моей компетенции, как потомок Певереллов". Он сделал ударение на последнем слове.

"Да, - сказала его сестра, - но его коснулась Судьба. Меня". Она возразила, указывая на себя: "Его нить проходит через центр гобелена его мира, одно движение в любом направлении изменит весь узор. Я имею последнее слово, когда они живы, ты - когда они мертвы. Мы должны все уравновесить".

"Он перестал быть полностью твоим, когда объединил Дары", - возразила Смерть, - "Он находится в таком положении, когда это касается нас обоих. Ни один человек не может жить вечно, Дары неестественны, и сама природа того, как трое Певерелов смогли влить в них часть моей сущности, не должна была быть такой, о которой они могли бы подумать".

Трое братьев Певерелл были самыми способными волшебниками во всей Европе в то время. Смерть видел, что они могут сделать, если попытаются использовать некромантические ритуалы для его вызова.

Игнотус призывал к осторожности, будучи единственным, кто думал лучше, чем пытаться вмешиваться в вопросы смертности и смерти. Но его братья не послушались. В своем безрассудстве они создали предметы, которые были уродливой формой того, чем они в итоге стали, когда Смерть вложила в них свою силу.

Они ехали оттуда, где только что завершили свой ритуал, чтобы запечатать часть его сущности в материальные предметы. Они принесли в жертву 49 насильников и убийц, по семь смертей на каждую из семи рун, окружавших ритуальную матрицу, и, не осознавая этого, дали Смерти возможность проявить часть своего присутствия, чтобы поговорить с ними той же ночью.

Когда те, кто говорит, что почувствовал холодную руку Смерти на своем плече, когда их окружала смерть, они не всегда преувеличивали.

Везде, где в воздухе витала гибель людей, он мог проецировать свое присутствие, чтобы преследовать и пугать тех, кому повезло меньше.

Забавно было видеть и чувствовать, как они дрожат от его присутствия, даже когда он не "прикасался" к ним. Самые сильные и стойкие воины и целители были его излюбленной

добычей. Он получал огромное удовольствие, когда те, кто не поддавался его суровым уговорам, превращались в дрожащий комок, когда он просто шептал им на ухо ласковые слова.

Палочка и кольцо были единственными, созданными братьями в ту ночь, Игнотус не хотел, чтобы его плаща коснулась смерть, как других. Его плащ, который был шедевром по меркам всех остальных плащей, все еще не был тем, чем был его преемник.

Игнотус был единственным, кто всю дорогу к их дому оглядывался через плечо, чувствуя, что случится что-то ужасное.

Он был прав.

Смерть смогла заставить деревья скрипеть, ветер холодеть, животный мир затихнуть в страхе от действий их ритуала. Антиох и Кадмус были слишком опьянены своим успехом, чтобы заметить это.

Легенда была отчасти правдой, но только в той мере, в какой он поздравил и вознаградил их за успех.

В качестве "подарка" он наделил их большей силой, сделав жезл превосходным в любой форме заклинания, а не только в разрушительной, как это сделал Антиох. Камень Кадмуса на самом деле не воскрешал мертвых, а создавал призрачный мираж, который он обманывал себя, думая, что это его возлюбленная. Смерть сделала его реальным, но он питался магией, чтобы удержать дух в мире живых.

Игнотус поступил так же, как и его потомок, не оказав Смерти никакого доверия при их первой встрече. Смерть почти решил не разговаривать со своим "хозяином", но решил иначе и поговорил с ним сразу же после того, как Риддл наслал на него очередное Убийственное проклятие.

Поттер, конечно же, отклонил предложение о путешествии назад в первый раз, унаследовав здравый смысл не принимать сделку за чистую монету.

Игнотус потребовал, чтобы не его собственный плащ был усовершенствован, а плащ, изготовленный самой Смертью, скрывающий его от всех магических обнаружений, когда-либо придуманных руками смертных.

Смерть никогда не думала, что у Игнотуса есть план. Он размышлял некоторое время, но в конце концов согласился, желая покончить со всем родом Певерелл, чтобы спустя века не было других попыток вмешаться в дела смерти.

Он создал плащ, в гобелен которого были вплетены те самые воды, через которые трое перекинули мост, чтобы избежать ловушки Смерти. Он отдал плащ недоверчивому человеку, и

тот улыбнулся в ответ тому, кто должен был переправить его душу в загробный мир. Смерти предложили сделку, а не он предложил, как часто делал.

Игнотус, накинув на себя плащ, предложил подарить ему плащ после смерти, если только Смерть не будет мстить ему или его потомкам за проступки их предков.

Смерть быстро согласилась, испытывая жуткий восторг при мысли о том, что Игнотус заключил сделку ради поколений, которым никогда не бывать.

Но Смерть была обманута.

Первым был убит Антиох, напившийся после убийства противника, с которым он боялся встретиться, пока у него не было его жезла. Тот так сильно боялся смерти от рук своего врага, что согласился на сделку с самой Смертью, чтобы та дала ему оружие для спасения от завещателя.

Антиох был захвачен собственным высокомерием, считая себя неубиваемым со своей палочкой и хвастаясь этим, порожденным его страхом быть слишком слабым, чтобы убить врага собственной силой.

Кадмус растерялся после того, как направил свою магию в камень, чтобы его возлюбленная вернулась к нему. Он отказался жить дальше и потерял рассудок, когда его тело и магия подвели его, в результате чего он покончил с собой из-за недостатка магии, заставившей его возлюбленную угаснуть.

Игнотус оказался проницательным, как и ожидалось, не сделав ничего особенно глупого, из-за чего его могли бы убить. Только спустя несколько десятилетий Смерть почувствовала, что Игнотус начинает угасать. Игнотус провел ритуал, подобный тому, что делали он и его братья, дав Смерти возможность поговорить с ним.

Смерть приветствовал его, ожидая, что он вернет ему плащ, но Игнотус просто улыбнулся и передал ему неусиленный плащ.

Он никогда не уточнял, какой плащ он подарит.

Игнотус умер, плащ Смерти остался в руках его потомков, его дети и внуки были защищены от гнева Смерти сделкой, которую они заключили.

Как бы он ни ненавидел то, что его обманул смертный, что его собственная маленькая игра обернулась против него, это было то, что заставляло его громко смеяться, заставляя всех существ поблизости бежать в ужасе.

Судьба начала говорить в ответ своему брату.

"Ты можешь стремиться очистить мир от своей собственной силы, находящейся в руках смертных, даже если это всего лишь грязный и потрескавшийся осколок ее, но ты не должен был обходить меня".

"Так же, как ты обошел меня, когда сплел пророчество о последнем Певерелле?" риторически спросил Смерть: "Ты создал нечто такое, что по своей силе откликнулось бы в других мирах. Это затронет не только нынешний мир. Те, кого Смерть и Судьба коснулись так, как Поттера, вызвали слишком много проблем в прошлом, когда нас не было рядом, чтобы исправить ошибку."

Другие миры, другие Земли пострадали от маленькой сделки, которую он заключил с Игнотусом Певерелом, когда это случилось в первый раз. В итоге сделка защитила всех потомков Игнотуса Певерелла, а не только Певерелла этого конкретного мира.

Таким образом, у Смерти не оставалось никакого решения, как не допустить создания Даров, кроме как сделать то, что он делал изначально - обмануть их обещанием даров и заставить их уничтожить себя, при этом Игнотус всегда умирал спустя годы. Поттер неизбежно оставался единственным, у кого хватало воли отвергнуть Дары и, возможно, заключить сделку, чтобы уничтожить одного или нескольких.

Плащ был тем, что Смерть готова была отпустить. Это была награда, полученная интеллектом человека, который знал, что лучше бороться со смертью, чтобы жить вечно. Он заслужил его. Но жезл и камень были прямыми мерзостями, запятнанными желаниями недостойных людей, желающих победить смерть.

"Я позволю тебе взять это, брат", - сказала Судьба, - "Но я ожидаю отплаты".

Смерть лишь улыбнулась ей.

"Этого будет достаточно?" Спросил он, доставая порванную веревку и бросая ее ей.

Она поймала нитку и осмотрела ее, выражение ее лица стало удивленным.

"Ты готов расстаться с этой душой?" Она спросила: "Ты дашь ей еще один шанс?"

"Если это прекратит твои бесконечные жалобы на Певерелла, то да". просто ответила Смерть.

Судьба только закатила глаза на свою коллегу.

"Ты такая невыносимо тоскливая".

"А ты несносно яркая".

Оба промординала просто рассмеялись и исчезли из созданной среды, а территория растворилась в небытии.

<http://tl.rulate.ru/book/92313/2973277>